

3 КРУГОЗОР 69

Огромные машины отрываются от земли и легко, как рыбы в воде, движутся в бесплотном пространстве, обгоняя звук собственного движения, нанизывая на фюзеляж часовые пояса.

Командировка началась. Вернее, три командировки. В три самых дальних аэропорта страны в один и тот же день улетели корреспонденты

«Кругозора». И в том, что они точно в срок прибыли к месту назначения и точно в срок включили свои магнитофоны,— заслуга «Аэрофлота» и пилотов гражданской авиации: Бориса Марьина, Георгия Каспиева, Петра Рябова, Германа Вольнова, Анатолия Чумаченко.

«Тикси. Такого урагана не помнят даже старожилы. Сильный ветер доходил до 56 метров в секунду. Курьерский поезд позавидует такой скорости. И что необычно: мороз достигал 36—39 градусов. Добавьте еще полярную ночь. Местное радио непрерывно передавало предупреждение: людей просили не выходить из дома. Но жизнь в поселке не остановилась...»

Из газеты.

— Ты видел, как горит железо? Нет? А я видел. Оно стало багровым, как солнце перед бурей. Потом по нему побежали синие судорожные волны. Это металл сопротивлялся огню. Но огонь одолел. И тогда мы увидели, как горит железо.

Это говорит сидящий под картой Арктики пожилой человек в сильных очках. В центре карты Северный полюс. В левом углу, у обреза, теплится красным глазком Москва. До Северного полюса от Тикси ближе, чем до Москвы, вдвое.

В комнате сухая жара, а за окном, затянутым непроницаемым льдом, звенит морозом самая длинная

ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕРВОЕ. ПОРТ ТИКСИ

северная ночь. Крапленный мелкими звездами лоскут ее синее в распахнутой форточке. Под потолком, излучая вздрагивающий свет, горит лампочка. На столе — свечной огарок в чернильнице: свет гаснет, когда ему заблагорассудится.

Штаб. Человек, который видел, как горит железо, начальник аэропорта Иван Васильевич Шушурин — третий полярник, не один год проведенный на островных зимовьях. Но и для него недавно пережитое — в диковину.

— Такого еще не было,— удивленно, словно не совсем доверяя достоверности своих слов, говорит скупой на воспоминания авиатехник Василий Артамонов. Я знаю, что он недавно отметил полярное двадцатилетие. Двадцать арктических дней и ночей; в Заполярье так: день и ночь — год жизни прочь. Он помнит королей ледовитого воздуха Черевичного, Мазурука, Малькова, которые летали в любую погоду, вернее, в любую непогоду, и приземлялись куда придется, куда удасться, куда подскажет обостренный, как у птиц, авиаторский инстинкт. Он прини-

УРАГАН

мал первый самолет на новом аэродроме и разжигал костры на снегу, чтобы пилоты не проглядели место посадки. И если Василий говорит, что такого еще не было, ему стоит поверить.

Тиксинцы знают, что такое пурга. Сначала будет тихо-тихо, и в ночной тишине — лишь стонущая дрожь проводов да скрип снега под ногами, гулкий и глубокий, словно навален этот снег над пропастью, словно там, под слежавшимся настом, головокружительная пустота. Потом пахнёт ветром, и снежная пыль, закручиваясь в смерчи, словно буравами, примется сверлить целину. Ветер сильнее — смерчи выше. И вот они уже слились в сплошной ревуший снеговорот. Вытянешь руку — не видно руки. Крикнешь — не расслышишь собственного крика. Лицо стягивает ледяной коркой, словно стихия желает заполучить твою посмертную маску. Но Арктика и снисходительна: напуская пургу, она обычно усмиряет морозы. Восемь — двенадцать градусов холода — нормальная для пурги температура. Кто же мог пред-

видеть, что на этот раз злокозненная природа уготовит тридцать градусов ниже нуля! Ветер набирал баллы. Пятьдесят метров в секунду — это ураган. И никакие усилия не помогут устоять на ногах, если на человека обрушивается такая тяжелая буря.

В пургу категорически запрещается выходить на улицу. А в ураган? Тут мягки самые безоговорочные запреты. Но что значат правила личной безопасности, когда опасность угрожает друзьям по несчастью! Вышла из строя котельная. И пока молчал мотор, гнавший по трубам горячую воду, мороз в пятнадцати домах пронизал чугунную толщу калориферов. В квартиры, рассыпая по стенам зернистую изморозь, ввалилась Арктика. Мужчины, падая под ударами ветра, сквозь тьму и снежную неразбериху переносили детей в гостиницу, в штаб, в дома, помилкованные ураганом. Мужчины помогали добраться до тепла женщинам. Мужчины рисковали собой, потому что они мужчины.

А ураган не удовлетворился тем, что лишил тиксинцев тепла. Он мотал и рвал провода до тех пор,

Адольф ДИХТЯРЬ,
специальный корреспондент
«Кругозора»

пока не выдержала сталь. Фейерверком искр взметнулось ввысь замыкание. Начался пожар. Нет таких огнетушителей, которые могли бы утихомирить костер, раздуваемый разрушительной бурей. Потoki ледяного воздуха хлынули на полыхающий дом и, нагреваясь, закружились в огненной крутоверти. Горело все, что могло гореть. Горело и то, что, казалось, не могло гореть. Горело железо. Это было самое невероятное, самое страшное своей противоестественностью зрелище.

И люди, которым пришлось противоборствовать еще одной разъяренной стихии, победили. Иначе не сидел бы я с ними в жарко натопленной комнате, где под потолком дружелюбно лучится лампочка на коротком шнуре.

Люди уберегли и тепло и свет — самое ценное в пору полярной ночи.

...Я выясниваю у своих собеседников подробности недавнего урагана, а они переводят разговор на рассказы о другой Арктике. И об этой Арктике вы услышите на первой звуковой странице.

КОЛОБКО

младший брат «Кругозора»

У «Кругозора» появился младший брат? Да, это новый детский звуковой журнал «Колобок». Хороший подарок для советских ребят!

«Колобок» пока еще только начинается. Все у него впереди. Он обещает ребятам новые стихи, песни, сказки, рассказы, игры, самоделки. И, конечно, свои обещания выполнит.

На его говорящих страницах зазвучат голоса писателей, артистов, музыкантов. И главный герой журнала — Колобок из сказки — заживет новой жизнью, полной веселых приключений.

Одну из записей «Колобка» — русскую сказку «Курочка-ряба», рассказанную скрипкой, виолончелью и роялем, вы услышите на нашей пятой звуковой странице.

Эдуард УСПЕНСКИЙ ПЕСНЯ КОЛОБКА

Из музыкальной сказки
«Новые приключения «Колобка»

Я называюсь Колобком,
Я всем и каждому знаком,
И дорог, и дорог.
Живу на свете много лет,
Люблю омлет, и винегрет,
И творог, и творог.
Нет, я не ссорился с Ягой,
Пускай летает с кочергой
В кадушке, в кадушке.
Но если мне грозит Яга,
То, значит, жизнь не дорога
Старушке, старушке.
Иду я сказки собирать,
Чтоб их ребятам рассказать
С пластинки, с пластинки.
Несу с собою бутерброд,
Две авторучки и блокнот
В корзинке, в корзинке.

Сильва КАПУТИКЯН МЫ СВАРИЛИ ПЛОВ

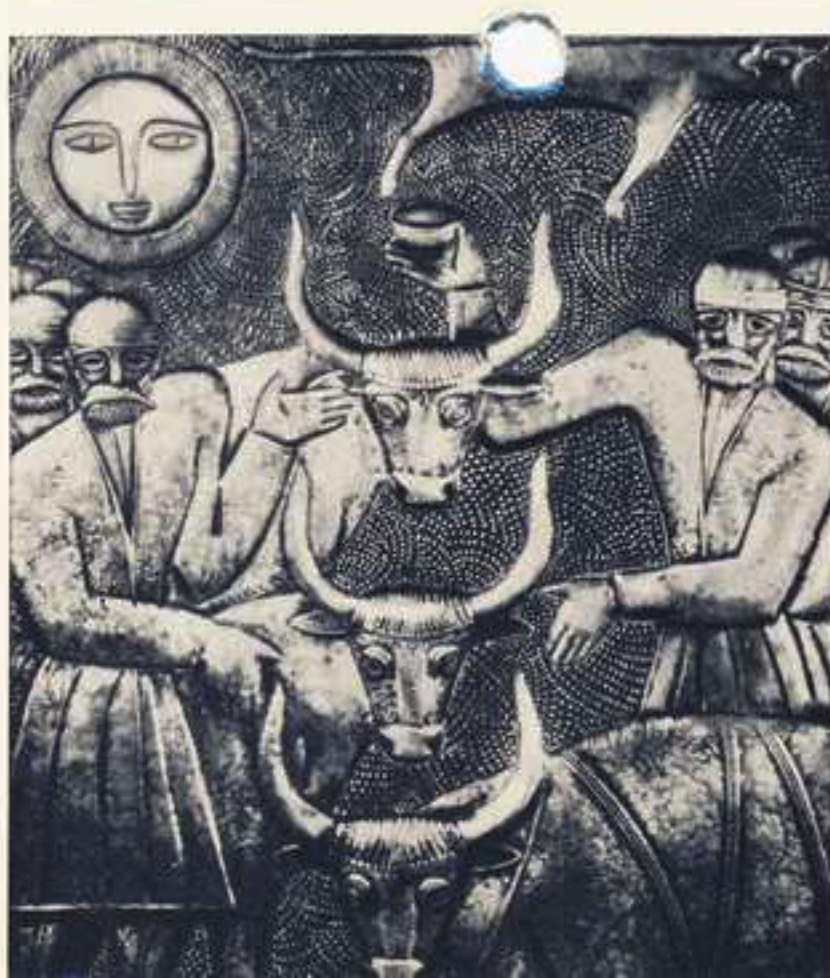
На столе сегодня плов.
Плов хвалить — не надо слов.
Вкусен — что и говорить!
А легко ль его сварить?
Рис варить — плита нужна,
Рис помыть — вода нужна,
Перебрать — терпение,
Чтоб кипел — кипение.
Чтоб мешать — старание.
Чтоб не сжечь — внимание.
Надо перчить и солить.
Надо масла не забыть.
Вкусный плов!
Отличный плов!
Все за стол — обед готов!

Перевела с армянского
Ирина Токмакова

Рисунки
Т. Колюшевой, Г. Алимова

Чеканка Г. Габашвили: «Тост за солнце», «Лиле»

ДИОСКУРИЯ

Диоскурия — древний черноморский город в Колхиде — был затоплен морем.

Наши предки в далекой Колхиде
Не ходили в пучину морей.
Никакой летописец не видел
Тени хищные их кораблей.
Тихий берег за верную душу
Был им люб с незапамятных пор.
...Видишь, плещутся волны

о сушу,
Бьются в грудь вечеряющих гор.
Ах, залив под лучами заката,
Я с тобою бы спорить не стал,
Но когда-то, когда-то, когда-то
Озверевший, взметнувшийся вал
Гнев великий на город обрушил,
Беспощадным и яростным был, —
Диоскурию смял, и разрушил,
И навечно в песок превратил.
Море плещет. Оно не уступит,
Не уйдет, не отступит назад,
Но и взгляд мой оно

не подкупит,
Не хочу я смотреть на закат.
Море плещет и грозно и громко,
Как столетье назад, как вчера,
Но милее мне чистая кромка,
Этих камешков мелких игра.
Мирный берег, где каждая

малость
Человечной полна красоты,
Где во всем твое сердце
осталось,
Где живешь, Диоскурия, ты
И под небом прибрежных селений
За волной провожаешь волну,
Что встает пред тобой на колени,
Искупить не умея вину.

Перевод с грузинского
Мargarиты Алигер

МОРСКАЯ ВОЛНА

Стих начинаю, с волнением споря,
К берегу правя по бурной волне,
Жизнь я доверил открытому морю
И узкотелой любимой ладье.
Руки на веслах исполнены силы,
Но отчего ж это море черно?
Черное море черно, как чернила,
Чем же себя очернило оно?
Отсветы с волн моих бурной,

как море,
Словно бы цепи срываю и я —
Звеньями, кольцами...

Вскоре, о, вскоре
К берегу тихо пристанет ладья,
К берегу, к берегу тянется

море.
Лодку волна обгоняет, звеня,
И достигают высоких нагорий
Строки стихов моих

раньше меня.

ЗВЕЗДЫ

Мне май глаза наполнит светом,
Сентябрь наполнит чашу мне...
И что в мгновении снеге

этом,
В легко метнувшейся зиме!
Ужель и небо забывает,
Что, как гора, состарюсь я,
Тот, кто, как прежде, год

встречает
Стрельбой из верного ружья.
На небосводе новогодья
След пули вспыхнет, как звезда.
Пусть море унесет сегодня
Мои излишние года.
Но бестревожно дышит гребень.
Ему неважно, что мой взгляд
Уже подобных звезд на небе
Насчитывает шестьдесят.
Мне май глаза наполнит светом,
Сентябрь наполнит чашу мне...
И что в мгновении снеге

этом,
В легко метнувшейся зиме!

Переводы
В. Соколова

Не верьте соловьям —
Они не любят роз,
Закоу сладкой лжи
Их пенне подвластно.
Легенды старой той
Не слушайте всерьез,
Она обманет вас,
Хотя она прекрасна.
Нет, розы ни при чем!
Доверчивым таким,
Им не дано понять
Уловку лицедея..
Не верьте соловьям,
Как розы верят им,
В рассветной полумгле
От счастья розовея.
Но, крыльями шурша,
Слетает Та, Одна
Укрыться среди роз
Неброскостью наряда.
Меж тем как ей одной
Певцом посвящена
Звенящая в ночи
Любовная рулада...
Увы, легенда лжет!
Скрывать мечты свои,
Наученные впрямь
Печальной оглаской,
Ее давным-давно
Сложили соловьи,
Чтобы любовь спасти
От пересудов

сказкой.

Перевод
Вл. Лугового

Из поэзии казахских акынов

Шолак БАЙМУРЗАЕВ

ГАЛИЯ

О жизнь! Ну и жизни! Как
смешна эта жизнь!
Лисицей петляешь ты в снежной
дали...

Хоть сотни красавиц пляши
и кружись —
Не стой ресницы моей Галии!
Как ночь,
на плечах твоих круглых коса,
Как день, твоя шея...

И весь я горю!
И в эти смородиновые глаза
С таким — ой-ей-ей — нетерпением
смотрю!

Тебе я письмо напишу, Галия!
Почтенье к тебе я в душе берегу!
Лишь вспомню — и светлым

делаюсь я,
Как будто лиса, что валялась
в снегу.
Ты солнце мое! Ты отрада моя!
Как шелк полосатый, ты радуешь
взор,
Объятая твои так крепки, Галия.

Что их разрубить мог бы только
топор.

Все счастье мое в этом горном
краю.

Я выше Кокше не видал высоты.
Ведь здесь, пуповину отрезав
мою,

Когда-то меня пленали в холсты.
Лишь вспомню опять твои плечи
и грудь —

Аж дернется правая бровь!..
Я в пути!..

Не сетуй на то, что долог мой
путь.

Немного пришлось задержаться,
прости.

Нартай БЕКЕЖАНОВ

ПИСЬМО АКЫНА НАРТАЯ АЙМАНКУЛУ

Айеке, сверстник мой, мы стары,
старина,

Нам суровая старость с тобою
дана.
Наших прежних друзей не забыть
мне никак.

Как светла, благородна твоя
седина!
Думал я: будет мирным конец
моих дней,
Жизнь моя становилась все тише,
ровней,—

Враг коварный, как коршун,
на нас налетел.
Оседлали батыры горячих коней.
Улетели, как стал лихих сизарей,
Обещая врага разгромить

поскорей.
Улетели джигиты, расцеловав
Перед долгой разлукой седых
матерей.

Подтянулись сутулые старики,
Им безделье во время войны
не с руки.

Стали снот охранять, стали
землю пахать,
Потащили с зерном на подводы
мешки.

Даже дети — и те от игры и забав
Вышли в степи, мотыги и грабли
забрав:

Видя это, и я, старикан,
не стерпел.
Мне остаться в тени не позволил
мой нрав.

Подо мною был весело скачущий
конь,

А в ладонях гремела
трехрядка-гармонь.
Ездил я по степи, ободряя людей,
И светился в глазах вдохновенья
огонь.

Я правдивый, мне путь
неизвестен кривой,
Я, Нартай, старый беркут с седой
головой!

Нас я сравнивал с острой,
разящей косой,
А врага побежденного — с сорной
травой.

Задуманной беседе мешают дела,
Извини, коль покажется песня
мала.

Абдильда телеграмму недавно
прислал,
Что невестка батыра тебе родила.
Айеке, ты в учебу мальчонку
возьми.

Пусть всегда уважаем он будет
людьми.

Долгим чтеньем не буду тебя
утомлять.
Поздравленье от старого друга
прими!

Перевод
Евгения Винокурова

На первой странице обложки: «Будьте счастливы, молодые!». Казахский свадебный обряд. Рисунок Ю. Мингазитинова (Алма-Ата).

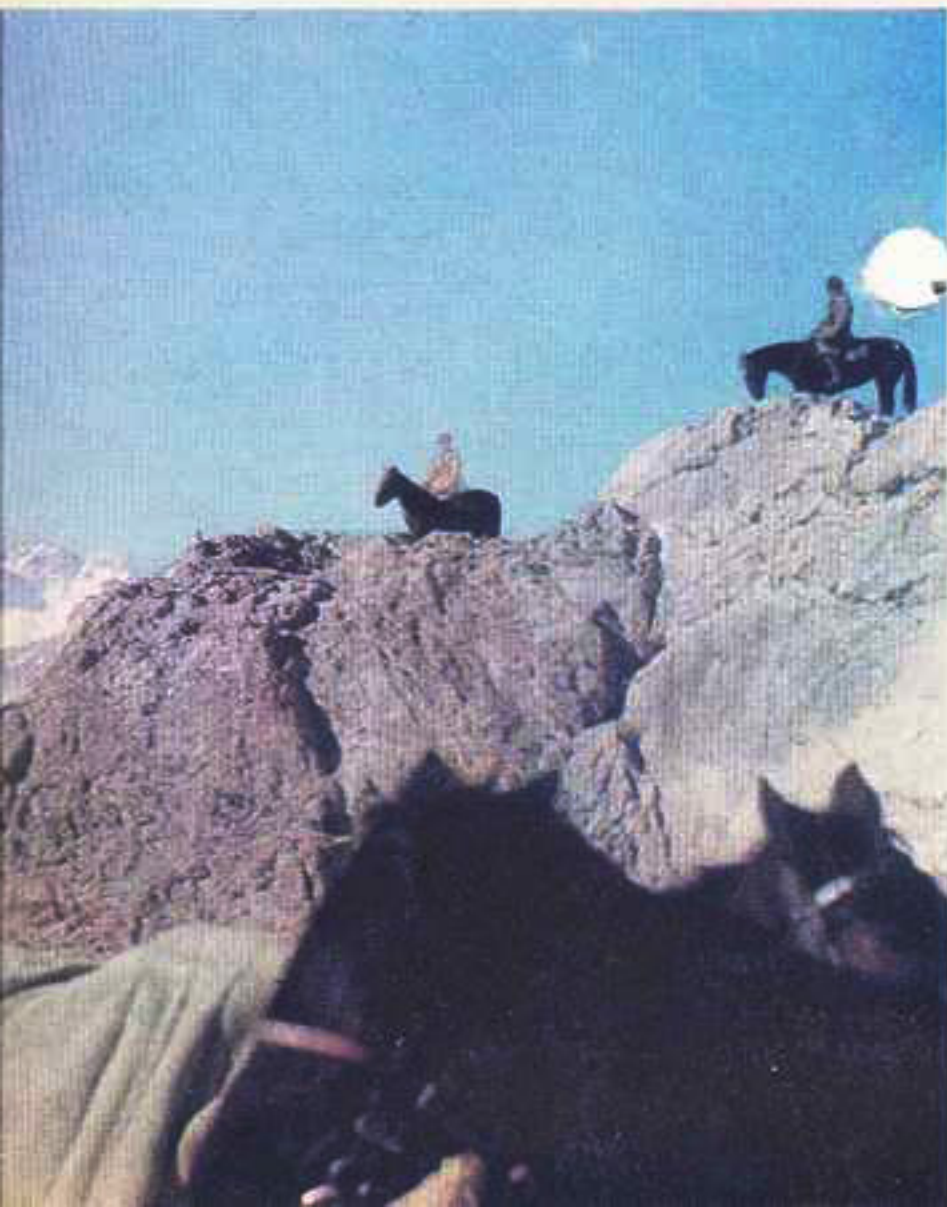

ПУТЕШЕСТВИЕ ВТОРОЕ. ПАМИР

ПОД облаками

С. ЗИНИН,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Фото автора

Под утро, когда закипает вода в котлах, а за горами готовится к старту рассвет, на заставе тишина.

Окна в казарме затенены ставнями, темно, лишь на минуточку откроет дверь дежурный. Не входя, окинет всех взглядом — все ли в порядке, — снова уйдет. Спят ребята. Вернувшиеся из нарядов спят, и, может быть, снится им, как шумит море, поют птицы с пышными, цветастыми хвостами и поднимается, шелестя стеблями, зеленая, сочная трава.

В конюшне, шумно поводя боками, спят кони. Они шли всю ночь под ясным холодом памирских звезд. Они шли, переступая осторожными копытами по звенящей пустынной земле, прядая ушами, прислушиваясь к торжественной тишине самой высокой в стране ночи.

Первым на заставе встает повар. Звякает цепь у колодца. Обмерзшее ведро, падая с размаху, пробивает толстый слой наледи; проворачивая ручку ворот, повар смотрит на тающие звезды, отмечает про себя: ниже тридцати. Потом он бежит мимо столба с термометром. На ходу подсветив фонариком, глянет: красный столбик совсем ушел в ампулу, — значит, ниже сорока пяти.

Пламя под коксом долго не разгорается, огонь задыхается, кашляет, но вода закипает быстро. На заставской, горной высоте вода кипит, согласно законам физики, при восьмидесяти градусах.

Кони здесь, на головокружительном высокогорье, ходят только шагом, только не спеша. И зорко следит солдат, чтобы не закусил удила беспокойный конь, не понес, потому что не выдержит сердце, и на вершине откоса, между двумя жадными вздохами, подломятся ноги скакуна. Потому кони шагом. Потому отменена у солдат зарядка. Потому десять шагов бегом — это сердцебиение, хриплая одышка.

С пяти часов утра и до часа дня кипит в котле, чтобы уварилось, мясо. На заставе общий подъем. И те, кто с охраны пришел поздно ночью, почти утром, и те, кто пришел раньше, — для всех начался рабочий день. День, который готовит солдата к дозору, к умению владеть оружием, собою, готовит к встрече с врагом.

Солнце спускается ниже, окна казармы отливают багрянцем, вершины окрестных гор снова зарозовели, скалы наливаются в тени синевой.

Лошадей уже водили поить. Заседланные, они стоят у коновязи, шумно выдыхая пар. В тяжелых шубах и плащах, в валенках, с автоматами солдаты садятся на лошадей. Кони выносят за ворота, привычно замедляют ход, и солдаты читают памятную наизусть надпись на обелиске со звездой: «Здесь похоронены начальник заставы Куликов и командир отделения Загребельный, погибшие в бою с басмачами в 1932 году».

Сначала по телефону в дежурку, а потом на весь двор часовой кричит со своей вышки, вознесенной над заставой:

— Машина!

Все высыпают во двор. Переваливаясь, в ворота входит перегруженная машина. Старшина, сидящий в двух тулупах на самом вершине, заоченел, не торопится слезать. Он проехал пятьсот километров по памирским перевалам, под ветром, метелями.

Наконец тут же, во дворе, старшина достает из своего сокровенного чемоданчика, с самого дна, из-под чистого белья, письма. Полчаса в казарме видны только склонившиеся к развернутым листам затылки. А возле печки, уже раскалившейся до красна, старшина рассказывает, как «выбивал» он в отряде мешок печенья, новые подсумки и кинопроектор. И все было бы хорошо, но в последний момент кинопроектор не дали, сказав, что, дескать, на грузовой машине он, старшина Богатырь, проектор не довезет; обещали прислать следующей оказией.

Все внимательно слушают, сочувствуют, но внезапно разморенный у печи старшина на полуслове засыпает. Стараясь не греметь сапогами, все потихоньку отходят, и в этот момент дежурный кричит:

— Застава, выходи строиться на боевой расчет!

Кончились заставские сутки. Сутки, о которых командир напишет в рапорте: «Без происшествий».

Но иногда звучат на заставе команды боевой тревоги, и тогда начинает работать на форсаже Человеческое сердце, и явственно ощутимыми становятся слова «боевой долг».

На снимках: в снежном дозоре: на боевом задании — сержант Аман Мухоммед Бердымухамедов, рядовые Иван Тюпин и Евгений Новоленко.

На второй звуковой странице — приключенческий репортаж «Три часа из жизни заставы».

— От, было, чтоб его черт! Нас-то двое выскочило, а комбрига забрали. Забрали и повели, а мы лежали, как олухи, в картошке и не знали, что и думать...

На Палик тогда шли. Знаете Палик? Озеро за Лепелем, часть наших базировалась там. Двое суток лазили по болотам, сухой нитки на теле не осталось. И харчишки вышли. Надо было запастись побольше, да у тех, что оставались, тоже негусто было. Думали, где-нибудь в пути перехватим.

А в пути не перехватили. Сунулись в одну деревушку — собаки такой хай подняли, что пришлось в лес повернуть. В другой — полицаи свадьбу гуляют, какого-то боника женят, на улицах полно подвод. Думали, потерпим, оставалось километров тридцать, кабы не заблудили. Заблудили, однако, изнервничали, переругались. А тут комары жрут нещадно, вокруг то ольшанин, то трясина, и силы без жратвы уже к концу подходят.

Было нас трое: я, комбриг Преображенский и лейтенант один,

Так и пошел рядовым в наше отделение.

Я был отделенным. Такие вояки собрались, что не стыдно и отделенным побыть: один секретарь райисполкома, милиционер из Полоцка, два лейтенанта и этот комбриг Преображенский. Опять же, как мне, по возрасту вдвое моложе его, командовать таким? Потом оказалось, еще и академию в Москве окончил. Да ничего... Был тихий, молчаливый, как всем, так и ему. Сам в очередь на посту стоял, шалаши строил...

И все-таки неровня нам, молодым. Человеку уже за пятьдесят, как ни тщится-старается, а видно: силы не те. И одышка, и ноги тяжеловаты. Потеет сильно. Правда, ни разу нигде не пожаловался, ни ходьбе старается не отстать. И все-таки отстает.

Тот раз ему особенно плохо было. Оказывается (проговорился потом уже, как в баньке лежали), радикулит донял. Лицо обычно суровое, грубое, а тут как-то скривлено в одну сторону,

она и так заманчиво дразнится дымком, теплом, уютom. Коровка, помню, замыкала, наверно, хозяйку учуяла, как та доить шла. Гляжу на лейтенанта, тот на комбрига, а потом и говорит: «Пожалуй, рискнем».

Ну, известное дело, сначала разведать: а вдруг немцы? Пошел лейтенант, вижу, возвращается бодро и ведет двух дядьков. Один седой такой, знаете, дед-лесовик, другой помоложе, в поддевке. Говорят: «Никого нет, сплошь свои, перекусите да посушитесь». Чувствуем, не очень хорошо это, но идем: очень уж опротивело на пустое брюхо по мокроте. Авось, не случится.

Оно в тот раз ничего и не случилось. Бабы — старуха и две молодички — собрали на стол не хуже, чем в праздник. Понятное дело, деревушка глуховатая, немцы пока не трогали, а главное — один сын тоже в армии. Родительское сердце в таких случаях сдобольное. Сняли мы все верхнее, мокрое, бабы начали сушить на печи да перед черевом. И пере-

Василь
БЫКОВ

ПОДВИГ

КОМБРИГА

тоже из кадровых — от самой границы все возле комбрига ну вроде за адъютанта, хотя сам такой же рядовой, как и комбриг этот. Оно и не удивительно: комбриг в своей танковой бригаде был командир, а прибился в отряд с пятью танкистами — чужой, пришлый человек. Отряд из местных, хотя были и красноармейцы, из окружений которые, командиром Барсук. До войны был председельсовета. Все деревни ему знакомые, а в деревнях тьма мужиков — свои. А что комбриг танковых войск без войска? Всей и цены, что пистолет в кармане да граната на поясе.

Правда, Преображенский и не стал кичиться. Барсук спросил, какую комбриг должность хочет. А какая там должность в отряде, где сорок человек? Преображенский и говорит: «Хоть рядовым, лишь бы немцев бить».

как если болит что. Тогда мы, двое помоложе, и то без ног остались, а ему где уж. Начал отставать.

Лесок прошли, три раза оставались, поджидали, иначе нельзя. Лейтенант уже взял у него и сумку — больше не дает ничего. «Никакой поправки», — говорит. — Не надо баловать тело, надо его подчинить воле, как новобранца фельдфебелю. Таков закон армии».

Закон законом, а под вечер совсем плох стал. Я и то едва бреду перелесками. А тут еще дождь залядил. В кустарнике мокрыдь. Начало смернаться, вышли на опушку, и тут — деревушка. Дым стелется над огородами, и так вареной картошечкой пахнет... Ну, прислонился к березке, молчу. Притопали комбриг с лейтенантом. Лейтенант был спортивный парень, кадровый командир, а и он приуныл. Комбриг же дотопал и наземь, — мол, подождите, ребята. Известно, человек занемог, впереди ночь, мокрыдь — чего дождешься? А деревушка — вон

кусили. За стол с нами и еще трое мужиков село, дед говорит: «Не бойтесь, все люди свои, активистые». Слово за слово, разговор, конечно, про войну, про немца. Комбриг им целую лекцию прочитал: Россию, мол, никому не победить, она всегда всех била — и шведов и французов, сломает шею и Гитлеру.

До сих пор не могу понять, как оно получилось, что хозяевам стало известно, кто перед ними. Может, из нас двух кто проболтался, а может, он где в разговоре вставил? А возможно, и по голосу, повадкам или каким мелочам — ремень, сапоги, пистолет — догадались, что человек этот — начальство и большее при этом. Правда, там мы ничего и не заметили, наелись, немного подсохли, комбриг и говорит: «Вздремнуть бы чашку». Дед огородами отвел в баньку. Темно, тесно, горчит от прокуренных стен, веничком пахнет. Завалились на полки и спать. Охраны не надо, дядьки сами взялись охранять. Утречком сговорились двинуть.

Из новой повести «Крутинский мост»

Показалось, только вздремнул, слышу — беда! В распахнутой двери дед: «Божухна, немцы!» В баньке темно, окошко, однако, светлеет, — рассвет. Подхватились мы да в предбанник, оттуда за угол баньки. Да слышим, дед сзади: «И там немцы!» Окружили, значит. Куда податься? Попадали в картофляник, лежим. Картошечка уже отцвела, ботва рослая, укрывает. Воткнулся я в комбригов сапоги, со сна ни черта не соображаю, жду.

Только чего ждать! Утречком тишина, все звуки наверху, взглянуть нельзя, а так далеко слышно. Не успел, наверно, дед ткнуться во двор, как там немцы. Крики, угрозы, бабы в плач.

Мы соображаем: в чем дело? Так просто наскочили или нас ищут? Неужто кто предал? Оно понятное дело: какие бы хорошие люди ни были, а сволочь всегда найдется. Донесла! Как потом выяснилось, баба одна. Зло за что-то имела на дедовых молодая, ну и слетала, привела полицейев, фельдндар-

Рисунок
В. Щапова

мов — канты на погонах круче-ные такие.

А тут, как на беду, комбриг оборачивается и шепчет: «Гимнастерка осталась!» Еще когда ужинали, тетка на печи растелила, мол, пусть полежит, к утру высохнет. Высушила на свою голову.

Да, гимнастерку скоро нашли и, хотя в ней ничего не было — комбриг документы переложил, — сообразили, сволочи, что напали на большую птицу. Откуда поняли, черт их знает. Может, знаки от ромбов остались. Ромбы-то комбриг давно снял, но, если взглядеться, места под ними будто примяты немного. Ну и взяли.

Перевернули всю хату, сараюшки, чердаки. Двое совсем близенько прошли к баньке, а там дверь настежь, пусто. Попробуй догадайся, что мы в двадцати шагах в картошке лежим, как ужи в бороздах. Думают, наверно, в тайнике каном хитроумном скрылись. Ищут тайник.

Часа за два все перевернули — ни шиша! Дед отпирался, отнекивался, а как гимнастерку нашли, смолк. Кричат: «Говори, куда бандитов упрятал, иначе всех прикончим и хату огнем пустим!» А дед покорно так отвечает: «Воля ваша. Вы — сила».

Я как-то словчился, выглянул из ботвы: выстроили их всех под стенкой сарая: деда, старуху, обоих молодых и двух ребятшек. Бабы голосят, они-то не знают, куда мы из баньки шастнули, один дед знает. А дед молчит. Тогда те сволочи к бабам: «Где бандиты?» Бабы в голос: «Да разве мы знаем! Были и ушли, мы не глядели, куда». «Ах, не глядели! А тайник где?» «Нет у нас никакого тайника, хоть убейте всех, нет!» «Убить просите? — говорит один. Полицей, наверно, слышно, по-здешнему разговаривает, а может, переводчик. — Нет, мы сначала ваших щенков перебьем». И тут — бах!

У меня все оборвалось внутри — что надумали гады! И комбриг замер, напрягся. А на дворе крик, плач... Так и есть: самую малую, самую крайнюю в шеренге. «Не скажешь — следующего!» Потом рассказывали: подснакивает к мальчишке и пистолет ко лбу. А что ему — застрелил бы и его и всех. Разве жалко, лишь бы выслужиться. Тем более такая добыча — комбриг!

И что думаете? Вдруг комбриг подхватывается, развернул сапогами борозду и к баньке. «Стой, варвары!» — говорит. Мы съежились в картошке, ну, думаю, все пропало! А он по стерже и к ним. Фрицы — рассказывали потом — во все стороны с испугу: кто за дрова, кто в хлев, а тот крикун с пистолетом — раз на колено и пистолет на руку. Ну точь, как до войны в Осоавиахиме учили. Изготовился, значит. А комбриг: «За что девочку, ироды? Я комбриг, берите!»

Ну и взяли. Взяли и опять к баньке — человек пять. Нигде никого. Комбриг им толкует: «Остальные в лесу». Поверили. Как не поверить, если человек на такое пошел. И что думаете: всех разогнали, деда, правда, тоже увели, но через неделю выпустили. Девочку схоронили. А комбриг, рассказывали, им такое в Лепеле в СД* устроил, что там же и расстреляли во дворе. Даже и отправлять никуда не стали.

* СД — имперская служба безопасности.

Жил когда-то шкипер Гек. И ходит по свету судно с таким названием, и плавают будто в восточных наших водах два сына Гека, отменные капитаны.

Однажды, говорят, бросил Гек якорь у скалистого мыса, где волна Берингова моря, набегая на камни, скатывается в море Чукотское. Увидел Гек темные проталины на белом снегу, солнце, ненадолго приникшее к сопке, мохнатые чумы у берегового припая. И захотелось Геху назвать мыс именем жены Елены. Так появился в морских лодциях Мыс Узлен.

...Человек в кухлянке делает широкий шаг, забавно двигает рукавами, будто вытряхивает воду, потом зажимает под мышкой цветную варежку и радостно тянет мне навстречу ладонь:

— Здравствуй!

Он говорит просто и открыто, как со старым знакомым, хотя мы видимся впервые. И я отвечаю, не удивляясь этой неожиданной общительности:

— Здравствуй!

— Лешка прилетел из Лаврентия, и ты прилетел, — он не спрашивает, он утверждает, и я, не смея возразить, что прилетел вовсе не с Лешкой, а с Германом, согласно киваю головой.

— Мед и капусту привез, я знаю, вот, олешка будем жарить, Новый год праздновать будем, раньше всех будем праздновать — тут у нас земля начинается.

Он машет рукой куда-то за спину, и я шарю глазами по голубым торосам, ищу, где тут начинается земля.

На материке (здесь часто говорят: на материке, и это значит: в Ташкенте, Хабаровске, Харькове), на материке я знал наверняка, что путь к дружбе, доверию нелегок и некроток. Узлен освободил меня от этого заблуждения.

Над крыльцом четырехквартирного домика — синие кусищи льда с белыми прожилками на изломе. Запасы воды.

Однажды на рассвете (зимой он начинается в полдень и, не успев побыть рассветом, превращается в закат) вышел я из поселковой гостиницы

ГОЛУБАЯ ЗЕМЛЯ УЭЛЕНА

и едва не наступил на огромного пса. Он лежал у порога на твердом, как городские тротуары, сугробе, не обращал на меня внимания. Устал в упряжке...

Из пристройки вышел ремонтный рабочий.

— Зачем отдыхает? Собачка валяется — пургой пахнет. Лешка не летает, поедем в Москву на собачках.

Когда-то я относил Алитета из романа Тихона Семушкина к вымышленным героям. В Узлене мне показали деда.

— Вот он поборо Алитета, сильный был Алитет, а он поборол его, ушел Алитет в горы, вон туда...

Я готов был к любой встрече, но только не с шаманом. Знал, что не верят больше в шамана чукчи и эскимосы. В другое верят: в самолет и школу, в хорошего доктора и кино, в добрый дом из дерева и камня, диплом звероведа или инженера, в книжки своего земляка Юрия Рытхэу. Но первый встреченный мною житель Узлена как раз и был шаманом. В прошлом. Потом сменил профессию, стал руководить колхозной самодеятельностью, но сейчас отошел от этого: неважно слышит. Прислали ему аппарат из Магадана, не носит, стесняется...

Я рассчитывал, что с председателем поссовета — зовут его Умка — выйдет у нас разговор о нынешнем Узлене, о внуках и правнуках его основателей — оленеводах, охотниках, рыбаках. А вместо этого Умка... зашел.

И последнее. Я ждал, что найду в Узлене подтверждение поэтической легенде, связанной с его названием. А услышал вот что. Ровно 320 лет назад Семен Дежнев, поставивший острог на реке Анадырь, причалил свой коч к этому мысу, огляделся и воскликнул:

— Помилуй бог, какая черная земля!
«Черная земля» по-чукотски — Узлен.

Б. ВАХНЮК,
специальный корреспондент «Кругозора»

О крае земли советской; о голубых домах, которые построила зима; о солнце, которое можно держать на ладонях; о городах, посланных в Узлен людей переделывать природу. — обо всем этом поет Умка на третьей звуковой странице.

Фото
Л. Носова (АПН)

Капри, разврат Савона

На острове Капри нет нищих. Это очень необычно для Италии, где человек с протянутой рукой ни у кого не вызывает удивления. Впрочем, возле фуникулера, в небольшом городке, непрерывно оглашаемом страстными песнями Патти Право, стоит старый человек. Воротник белой в полоску рубашки протерт до дыр, но тщательно прошит крупным стежком. Рубашка украшена черным и блестящим от ежедневного утюга гал-

Ю. ВИЗБОР

Фото
автора

стуком. На шее висит металлическая табличка: «Этот человек, доктор философии Блюм, слеп от рождения. Он может быть вашим гидом, он знает здесь каждый камень».

Доктор Блюм, конечно, не нищий. Он просто квалифицированный гид, который каждый день ждет работы.

Официально остров Капри принадлежит Итальянской республике, но здесь хозяйничают люди любых национальностей, только не итальянцы. Итальянцы здесь работают: подают еду, водят машины, продают сувениры, швартуют корабли, убирают улицы, ремонтируют головонкружительные дороги.

На Капри жарко. В городке Марина-гранде шоферы схватываются из-за пассажиров. Их специальные экскурсионные машины, над которыми на металлических стойках натянуты красные тенты

со старомодными кистями, похожи на катафалки. Хозяева моторных баркасов, с обязательным якорем, выколотым на плече, и обязательной белой капитанской фуражкой «морского волка», мгно-

венно, двумя-тремя жестами разделяют толпу богатых иностранцев, желающих осмотреть чудо света — Голубой грот.

У Голубого грота — столпотворение лодок, гортанно ругаются жилистые перевозчики. Вас обязательно подвезут к лодке, с которой продают сувениры, плетеные цветные корзиночки, какие-то бумажные гирлянды, бог знает что, но зато это будет куплено у Голубого грота. На борту другой лодки шестеро мужчин ковбойского вида. Двое из них продают одни билеты, четверо — другие. Надо купить у тех и у других, потому что двое представляют Итальянскую республику, а четверо — мафию. Так они и торгуют — с одной лодки. Государство оценивает посещение Голубого грота в 150 лир, мафия — в 220. Вы, конечно, можете не покупать билет у мафии, пожалуйста. Но в таком случае

вас никто не повезет. Правда, с государственным билетом вы имеете полное право вплыть в Голубой грот самостоятельно, любым стилем плавания.

Сам Голубой грот — большая пещера, соединенная с морем маленькой аркой, под которой едва протискивается лодка с лежащими на дне любителями чудес. Свет в гроте распространяется по воде, и гребень волны светится в темноте королевским голубым цветом.

Капри со своими знаменитыми храмами, отвесной скалой, с которой римские императоры сбра-

сывали в море наложниц, с лазурными облаками, поднимающимися из-за дальнего горизонта, — весь Капри похож на огромный отель. Недалеко от домика Горького я вспомнил картину «Горный с рыбаками Капри». Рыбаков сего дня здесь нет.

Капри — для богатых. Для очень богатых. На крохотном кусочке суши зимой живет четырнадцать, летом — сорок тысяч приезжих. Частные виллы, частные дороги, частные машины, частные бассейны, частное море...

Забастовки и демонстрации, перевороты и события в народной жизни — кажется, ничто не долетает до этого вечнозеленого торта на голубой доске Тирренского моря. У входа в дорогой ресторан в плетеном кресле сидит старик. На каждой руке — полкило золота. Его соседка — девушка в норковой накидке (это в теплый-то ве-

чер!). Оперев подбородок о золотую рукоятку трости, старик смотрит в асфальт. А на горизонте пепельный Везувий, и топовые огни зажигаются на кораблях шестого американского флота.

Где-то там, за автострадами, начинается дождь. Дымят заводы Неаполя, выбрасывая в воздух дым, подсвеченный снизу огнем плавок. На большой дороге Ливорно — Венеция переключаются в ночи сухогрузы. Там, через пролив — Италия нищих и миллионеров. Здесь — только миллионеров. Исключая, правда, доктора философии Блюма...

В первый день 1888 г. в Лейпциге на обеде у скрипача Адольфа Бродского встретились Петр Ильич Чайковский и Эдвард Григ. Эта встреча стала началом дружбы.

Чайковскому принадлежит, быть может, самая точная, самая образная характеристика человеческого и творческого облика Грига. Это объясняется «внутренним родством двух музыкальных натур, хотя и чуждых друг другу по происхождению...».

В «Автобиографическом описании путешествия за границу в 1888 году» Петр Ильич Чайковский так воссоздает образ великого норвежца: «В комнату вошел очень маленького роста человек, средних лет, весьма тщедушной комплекции, с плечами очень неравномерной высоты, с высоко взбитыми нудрями на голове и очень редной, почти юношеской бородкой и усами. Черты лица этого человека, наружность которого сразу привлекла мою симпатию, не имеют ничего особенно выдающегося, ибо их нельзя на-

звать ни красивыми, ни неправильными; зато у него необыкновенно привлекательные средней величины голубые глаза, неотразимо чарующего свойства, напоминающие взгляд невнимного прелестного ребенка. Я был до глубины души обрадован, когда по взаимном представлении нас одного другому раскрылось, что носитель этой безотчетно для меня симпатичной внешности оказался музыкант, глубоко прочувствованные звуки которого давно уже поридали мое сердце. То был Эдвард Григ...»

«Слушая Грига, мы инстинктивно сознаем, что музыку эту писал человек, движимый неотразимым влечением посредством звуков излить наплыв ощущений и настроений глубоко поэтической натуры, повинующейся не теории, не принципу, не знамени, взятому на плечи вследствие тех или других случайных обстоятельств, — а напору живого, искреннего худож-

ЧАЙКОВСКИЙ: «ЭТА УВЕРТЮРА ПОСВЯЩЕНА ВАМ»

КЛАССИКИ О КЛАССИКАХ

Григор
Д. Брусиловского

нического чувства. Что за непосредственность и богатство музыкального изобретения! Сколько теплоты и страстности в его певучих фразах, сколько ключом бьющей жизни в его гармонии и в ритме, как и все остальное, всегда интересном, новом, самобытном! Если прибавить ко всем этим качествам полнейшую простоту, чуждую всякой изысканности и претензий, то не удивительно, что Грига все любят, что он везде популярен и что как в Германии, Скандинавии, так и в Париже, Лондоне, Москве имя его встречается беспрестанно...»

Время сохранило шесть писем Чайковского Григу. Вот строки из двух:

«Париж, 2 марта 1888 года... Знаете ли Вы, что Вы очень известны в Париже? Почти в каждом концерте исполняется что-нибудь Ваше...»

«Клин, 5(17) сентября 1888 года. ...В Москве были бы очень счастливы видеть и слышать Вас. Если бы Вы могли принять это

предложение, то было бы лучше всего, если бы Вы приняли участие в концерте 28 ноября. Очень прошу Вас ответить мне сейчас же! Как Вы поживаете, милый друг? Я написал новую симфонию и увертюру «Гамлет» (которая, правда, еще не инструментована). Эта увертюра посвящена Вам...»

Через много лет, когда уже не будет Чайковского, Григ запишет в своем дневнике: «Многое прочел в книге Модеста Чайковского «Жизнь и перелеска Петра Чайковского». Какая благородная и правдивая личность! И какое грустное удовлетворение — продолжать таким образом личное знакомство, которое началось в незабываемые лейпцигские дни 1888 года... Книга эта трогает меня до глубины души. Иногда мне кажется, что я заглядываю в свою собственную душу. Я во многом узнавал самого себя...»

Подборку подготовил
А. Шнейдер

ВИЗИТНЫЕ КАРТОЧКИ ДРУЗЕЙ

Афиши извещали о гастролях. Очереди у нас говорили об аншлагах. В который раз возникла проблема «лишнего билетика». Но если количество мест в зрительных залах имеет предел, то аудитория долгоиграющей пластинки практически неограниченна. Лучшие места в этом «зале» бронируются за слушателями «Кругозора». Поставьте на проигрыватель девятую звуковую страницу.

Их четверо: Криштоф Кленчон, Северин Краевский, Бернард Дорновский и Ежи Скшыпчик. А все вместе — «Червоны гитары», ансамбль, популярный и в Польше и далеко за ее пределами. Замечательная четверка пишет музыку, обрабатывает народные мелодии, переводит на польский язык и исполняет зарубежные песни.

Польский ансамбль «Червоны гитары»: Вместе с музыкой и песнями «Червоны гитары» дарят вам свои сердца.

Вокально-инструментальный ансамбль из далекого Парагвая так воодушевил зал, что зрители подхватили припев популярной песни.

Недавно «Лос Парагвайос» отпраздновал своеобразный юбилей: выпущена десятиmillionная пластинка с записями ансамбля. В это же время коллектив пополнился и новым участником. Это четырехлетний гитарист Тити.

Джорджи чуть не стал фармацевтом, но фортуна сделала его певцом: студент-фармацевт выступил на студенческом вечере. Д. Марьянович считает, что его нынешнее амплуа — синтез театра и педагогики. «Я стараюсь, — говорит известный югославский певец, — прививать своим слушателям хороший вкус. Мне хочется научить их отличать настоящую песню от модной однодневки».

Югославский певец Джорджи Марьянович: Дорогие друзья, я счастлив, если мои песни приносят вам радость. Ваш Марьянович.

Джорджи Марьянович

Чехословацкая певица Мартина Юрковичова! Я целую вас всех, молодые друзья...
Ваша Мартина.

Фото
А. Лидова

*Кати
Martina*

танцевальный

12

ДИСК

Буяна — женское имя. Это все, что мы можем сообщить о происхождении танца. А вот научить танцевать его...

Станьте друг против друга на расстоянии несколько больше, чем в эпоху расцвета пуританских танцев. А теперь условимся, что с этой минуты ваши ноги отказались действовать по шаблонной схеме — куда одна, туда и другая. Левая нога может двигаться только в сторону, а правая — только вперед.

Итак, отставьте левую в сторону и на носок и, выдержав короткую паузу, приставьте и правой. Затем — правую вперед на носок и после короткой паузы — обратно. Эти действия показаны на рисунках 1 и 2.

Обычно все начинающие танцоры, выполняя какое-либо движение, бормочут про себя традиционное: «Раз, два, три, четыре». Так вот, на «раз-два» выполняйте движения левой ногой, на «три-четыре» — правой.

Второе движение в танце: приподнимитесь на «полу-пальцы» и четко опуститесь на каблуки (рисунок 3). Колени при этом чуть согнуты. Повторите этот маневр под музыку четыре раза подряд.

Теперь пора соединить два движения в одно целое. 1-й такт: левую в сторону, приставить; правую вперед, приставить. 2-й такт: четыре удара каблуками. Оба движения неразделимы, скажем, «состыкованы».

Продолжение урока — на звуковой странице (рисунок 4—5).

Л. ШКОЛЬНИКОВ

Рисунки Л. Борзых

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДИНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

Режиссер
Н. Субботин.
Художник
В. Шапов.
Технический
редактор
Л. Петрова.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая, 25.

Телефоны
редакции:
233-73-94, 233-74-59.

Б 04902. Подп. к печ.
13/III 1969 г. Формат
бумаги 84×108/16.
Усл. п. л. 1,68.
Уч. изд. л. 1,4.
Тираж 320 000 экз.
Зак. 325. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

1. Тикси. «Разве можно забыть?» — признания в полярную ночь.

2. Памир. «Второе дыхание». Детектив 6'30".

3. Чукотка. «Снежная родина». Рассказы и песни Умки.

4. Карло Каладзе. «Стих начинаю, с волнением споря...» Пластинка поэта.

5. Колобок — гость «Кругозора». Музыкальная сказка для самых маленьких: «Курочка ряба».

6. В коллекцию редких записей. Играет Эдвард Григ. «Норвежское свадебное шествие», «Бабочки».

7. Слушая граммофон... Певца Варя Панина.

8. Три века неаполитанской песни.

9. Музыкальные автографы друзей. «Червоны гитары» (Польша), К. Кленчон, «Вернемся на озеро»; ансамбль «Лос Парагвайос» (Парагвай), Альберто дель Парана, «Мехико»; Джорджи Марьянович (Югославия), Н. Ферре, Г. Гранч, «Мирза».

10. Эстрада планеты. Поет Карел Готт, В. Седлачек, «Песенка»; И. Шлитр, «Я сплю».

11. Песенные премьеры. Т. Кулиев, О. Гаджиасимов, «Счастливым напев»; М. Гарнвердиев, Н. Доброурахов, «Звездная страна». Исполняют: квартет «Гая» и Е. Камбурова в сопровождении ансамбля.

12. Приглашение к танцу. «Буяна». Музыка А. Флярковского, аранжировка Ю. Якушева, Ведет урок Л. Школьников.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписей фирмы «Мелодия» и Государственным домом радиовещания и звукозаписи

«...Слышал — увы! — лишь в граммофоне. — Варю Панину, — писал А. Куприн. — Заочно понимаю, какая громадная сила и красота таились в этом глубоком, почти мужском голосе...» Критик А. Р. Кугель отмечал в песнях прославленной цыганки «глубокую, затаенную, как ночь, непроницаемую страсть». А художник Константин Коровин однажды осмелился противопоставить пение Вари Паниной... «вдохновенному искусству» своего друга Ф. И. Шаляпина. «Ты слышишь, — сказал Шаляпин Серову, — Константину не нравится, что я пою. Плохо пою. А кто же, позвольте вас спросить, поет лучше меня?.. — А вот есть. Цыганка одна поет лучше тебя. — Какая цыганка? — Варя Панина. Поет замечательно. И голос дневной. — Это какая же, позвольте вас спросить, Варя Панина? — В «Стрельне» поет. За плетрку песни поет. И поет как надо».

Современники считали Панину последней представительницей подлинно цыганского песенного искусства, ставшего популярным в России еще в начале прошлого века. Стремилась резко противопоставить искусство Паниной новейшей псевдоцыганщине, профанировавшей старые национальные традиции. «Ее исполнение, — писал один из критиков, — не имело ничего общего с протнвым гнусавым пением в нос большинства мнимо цыганских певцов».

А. Р. Кугель вспоминает одно из выступлений Паниной в узком кругу почитателей. «...Панина была в широкой, очень просторной, вроде пиджака, кофте странного наного-то цвета... Сев на стул посреди комнаты, она сейчас же закурила... Курила она беспрерывно, несмотря на заметную одышку. У Паниной была добрая, славная, умная, хотя несколько наигранная «антарсиал» улыбка, и глаза у нее, смотревшие с ласковой пронциательностью, были прекрасные, с живою искрою в зрачках». Далее критик описывает поистине ошеломляющее воздействие панинского пения: ее слушали «со сладкой тоской; с жаждой страдания». «...Как струйки расплывающегося табачного дыма, стелились под потолком кольца ее песни, и ныло сердце... И было божественно прекрасно».

Лишь в девятисотые годы тридцатилетняя Панина стала выступать на концертной эстраде. Пела она обычно в сопровождении двух гитар (К. Васильев и Н. Шишкин) иногда с добавлением цитры. При ее участии устраивались «исторические концерты» цыганской хоровой песни, в которых демонстрировался длительный путь и эволюция этого жанра. Таким образом, многие узнали Варю Панину на исходе ее жизненного пути, когда голос звучал уже не так ярко, как в юности.

Уже немолодая женщина, мать пятерых детей, она выходила на эстраду в строгом, нарочито неэффектном наряде, «быть может, подчеркивая этим пожилой свой возраст и мужскую ухватку». Тем не менее увлеченные искусством певицы не ослабевало до последних дней ее жизни. «Концерт знаменитой Вари Паниной был переполнен, — сообщал рецензент журнала «Рампа и жизнь» за несколько месяцев до ее смерти. — Панина, допевавшая свою лебединую песню, до сих пор вызывает волнение в сердцах «панинистов»...»

Бабушкин граммофон

Любовь к нему на родине, в Чехословакии, вполне понятна. Его можно слушать и слушать, потому что его голос — высокий, светлый тенор — чист, многограсочен.

Родился Карел в 1939 году в Пильзене. Ему повезло, потому что Пильзен славится не одним пивом, но и своими песнями. Любил живопись, особенно старых голландцев, хотел быть художником. Срезался на аступительных экзаменах; пришлось работать электромонтером. Прежде замкнутый, в новой, рабочей среде Карел Готт обрел настоящих товарищей. И пошли туристские походы, ночи у костра. Карел взял в руки гитару, аккордеон, запел с товарищами по заводу. Тут-то и выяснилось, что у него красивый, настоящий голос.

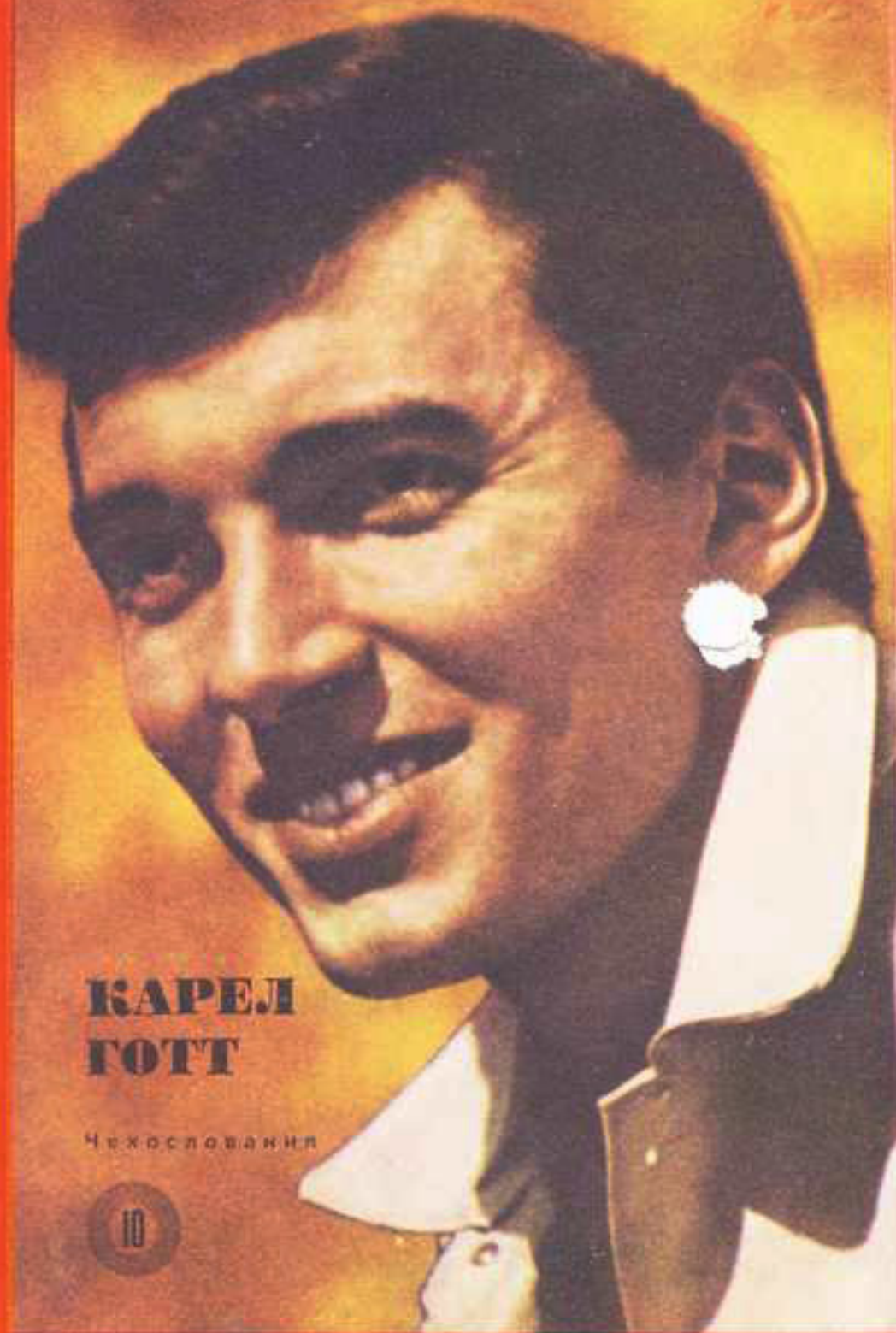
А потом Готт попал в руки профессора Пражской консерватории Константина Каренина. Однажды учитель застал Карела в ресторане «Альфа», где тот пел модный шлягер. Учитель тихо посидел за столиком, не выдав своего присутствия. Он не хотел смутить певца. Назавтра в классе он предложил студенту Готту свою помощь в работе над... эстрадным репертуаром. У Готта широкий диапазон — от джазовой песенки до оперной арии.

Карел Готт не только хорошо поет, но и рисует, и водит автомобиль, и даже — по старой памяти — чинит перегоревшие пробки.

Когда Карел Готт выступает по телевидению, мужчины откладывают газеты, женщины забывают о жарком на плите, ученики отрываются от домашних заданий, в ресторанах стихает шум... А те, у кого нет телевизоров, просят к соседям «на минутку послушать».

И еще ни разу Карел Готт не сфальшивил, не огорчил.

Арх. РЕВЕНКО

КАРЕЛ ГОТТ

Чехословакия

10

Цена 1 руб.